

нуты всей жизни его, въ особенности самое дальнее дѣтство, представлялись его воображению, даже не какъ прошедшее, а какъ дѣйствительность... Кн. Андрей не могъ удержаться болѣе и заплакалъ нѣжными, любовными слезами, надъ собой, надъ своими заблужденіями... «Состраданіе, любовь къ братьямъ, къ любящимъ, къ несавидающимъ насть, любовь къ врагамъ, та, та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ, которой меня учила сестра княжна Марья и которой я не хотѣлъ понимать; вотъ отчего мнѣ жалко уходящей жизни, вотъ оно то, что еще оставалось мнѣ, ежели бы я былъ живъ...» Кн. Андрей самъ отлично видѣть какъ его эстетическіе « опыты » очерствленія своего сердца, ради вящшаго торжества одного ума, малоувѣнчиваются успѣхомъ, какъ въ самомъ этомъ умѣ его возникаютъ постоянно какие то вопросы, подрывающіе авторитетъ своего же источника, заявляющіе о компромиссахъ и сдѣлкахъ въ пользу какого то «забытаго» другаго начала... Ему, кн. Андрею, непріятны вначалѣ эти непрошеннныя вмѣшательства и надобданія голоса сердца въ усилившихъ ума его изолировать себя на недосягаемой высотѣ... Онъ завидуетъ уму Сперанскаго, во время работъ своихъ у послѣдняго, такъ какъ « Сперанскій, въ глазахъ кн. Андрея, былъ именно тотъ человѣкъ, разумно объясняющей всѣ явленія жизни и ко всему умѣющи приложить мѣрило разумности, какимъ онъ самъ хотѣлъ быть... » (Но «разумность» вѣдь, ничто иное, какъ живой синтезъ ума и сердца, ибо безъ послѣдняго она обращается уже въ *разс. дочность*, ограниченность, дающая начало сухости и черствости ума). « Въ Сперанскомъ поразила кн. Андрея именно эта несомнѣнная, непоколебимая его вѣра въ силу и законность ума. Видно было, что Сперанскому никогда не могла прийти въ голову та обыкновенная для кн. Андрея мысль, что нельзѧ все таки